

В.Ж. АБАЕВ О ПОНИМАНИИ ПСИХИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ДЗЭН-БУДДИЗМЕ

УДК 244.82

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-2112-51-57>

О. А. Александрова

Московский университет имени С. Ю. Витте,

Москва, Российская Федерация

e-mail: ox.aleksandrova2011@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируется проблема психической культуры в работах Н. В. Абаева, крупнейшего исследователя чань-буддизма. По мнению автора, обращение к идеям чань-буддизма, обнаруживаемое в работе Н. В. Абаева, представляется вполне объяснимым. Во-первых, 80-е годы 20-го столетия в Советском Союзе были временем, когда советская идеология не только занималась социальными проблемами, но и стала интересоваться человеком как субъектом исторического процесса в его особенных психологических проявлениях. А во-вторых, сферой научных интересов Н. В. Абаева являлась буддология, а знание китайского, японского и английского языков давало возможность знакомства с обширной литературой по интересовавшей его проблематике. Н. В. Абаев показал, что культура психической деятельности способна настолько глубоко преобразовать структуру личности и субъекта деятельности, что изменяются даже уровни подсознательного и «невыразимого». Он подчеркивал, что чаньская культура психической деятельности была продуманной и многообразной, соединяя в себе буддийские и китайские практики структурирования личности и избегая химического воздействия на организм человека посредством алкоголя и наркотиков. Одной из ведущих позиций психотренинга чань/дзэн-буддизма является медитация, представляющая собой сосредоточение сознания в одной точке «всматривания» медитирующего своим внутренним взором в «пустоту». Медитация приводит адепта к просветлению, которое рассматривалось Н. В. Абаевым как воспроизведение особого состояния сознания. Находясь в этом состоянии, человек выходит за рамки своей отдельности и освобождается от своего «Я». Автор приходит к выводу, что Н. В. Абаев первым в советской литературе описывает тип личности, который способен регулировать как деятельность по отношению к объекту, так и свою внутреннюю деятельность.

Ключевые слова: Абаев, дзэн-буддизм, чань-буддизм, культура психической деятельности, не-деяние, просветление, Судзуки, медитация.

Для цитирования: Александрова О.А. В.Н. Абаев о понимании психической культуры в дзэн-буддизме // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №2 (112). С. 51-57. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-2112-51-57>

АЛЕКСАНДРОВА ОКСАНА АЛЕКСАНДРОВНА – преподаватель Московского университета имени С. Ю. Витте

ALEKSANDROVA OKSANA ALEKSANDROVNA – Lecturer at Moscow University named after S.Yu. Witte

© Александрова О.А., 2023

V. N. ABAEV ON THE UNDERSTANDING OF MENTAL CULTURE IN ZEN BUDDHISM

Oksana A. Aleksandrova

Moscow University named after S.Yu. Witte,

Moscow, Russian Federation

e-mail: ox.aleksandrova2011@yandex.ru

Abstract: The article analyzes the problem of mental culture in the works of N. V. Abaev, who is the largest researcher of Chan Buddhism. According to the author, the appeal to the ideas of Chan Buddhism, found in the work of N. V. Abaev, seems quite understandable. Firstly, the 80s of the 20th century in the Soviet Union were the time when the Soviet ideology not only dealt with social problems, but also became interested in man as a subject of the historical process in its special psychological manifestations, and secondly, in the sphere of scientific interests of N. V. Abaev was Buddhology, and knowledge of Chinese, Japanese and English made it possible to get acquainted with extensive literature on the issues of interest to him. N. V. Abaev showed that the culture of mental activity is capable of so profoundly transforming the structure of the personality and the subject of activity that even the levels of the subconscious and the “inexpressible” change. He emphasized that the Chan culture of mental activity was thoughtful and diverse, combining Buddhist and Chinese practices of personality structuring and avoiding chemical effects on the human body through alcohol and drugs. One of the leading positions of Chan / Zen Buddhism psycho-training is meditation, which is the concentration of consciousness at one point of “gazing” of the meditator with his inner gaze into the “emptiness”. Meditation leads the adept to enlightenment, which was considered by N. V. Abaev as a reproduction of a special state of consciousness. Being in this state, a person goes beyond the framework of his individuality and is freed from his “I”. The author comes to the conclusion that N. V. Abaev was the first in Soviet literature to describe a personality type that is able to regulate both activity in relation to an object and its own internal activity.

Keywords: Abaev, Zen Buddhism, Chan Buddhism, culture of mental activity, non-action, enlightenment, Suzuki, meditation.

For citation: Aleksandrova O. A. V. N. Abaev on the understanding of mental culture in zen buddhism. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 2 (112), pp. 51-57. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-2112-51-57>

Культурное поле России всегда было многозначным, но если в настоящее время его сложность и многовекторность культурных паттернов воспринимается как данность социокультурной реальности, то в 70–80-е годы в Советском Союзе дифференциация культуры существовала в виде слабой тенденции, воспринимаясь скорее как негативное явление. Поэтому в советской гуманитарной мысли необходимо было, с одной стороны, показать специфику религиозной и социокультурной жизни другого народа, а с другой – не нарушить целостность и единство собственной культурной традиции, носившей

во многом политический характер. В издававшихся представителями этой мысли монографиях, предназначенных не только для специалистов, но и для массового читателя, давались экскурсии в восточную философию и культуру. В этих монографиях предпринималась попытка донести до массового сознания новые идеи, возрождавшие гуманистические ценности собственной культуры и обнаруживающие истины поиска внутреннего знания. Поэтому вполне оправданным было обращение к буддизму, открывавшему дверь философии дзэн даже для людей, которые были далеки от него, вызывая у них неподдельный интерес.

В 70–80-е годы XX века в разных странах был осуществлён перевод многих дзэнских текстов, были опубликованы на английском языке работы Д. Т. Судзуки, появились статьи западных философов и культурологов, которые анализировали учение дзэн-буддизма. Были написаны произведения видных западных авторов, интерпретирующих идеи дзэн, а также развивались музыкальные жанры, которые интегрировали эстетические принципы дзэн в европейскую музыку. Поскольку советская исследовательская мысль не могла не откликнуться на происходившие процессы, перед ней встала задача выявления источников дзэн-буддизма, а также – изучения его религиозной специфики и философского содержания.

Статья посвящена анализу дзэн-буддизма в работах Николая Вячеславовича Абаева (1949–2020), который известен в советской и российской теоретической мысли как буддолог, востоковед, китаевед, а также исследователь чань-буддизма. Его кандидатская диссертация называлась «Соотношение теории и практики в чань-буддизме (на материале Линь-цзи лу, IX в. н. э.)», а докторская – «Чань-буддийские традиции в истории средневекового китайского общества». Большое внимание Н. В. Абаев уделял исследованию средневековой этнической религии тюркомонгольских кочевников, получившей название тенгрианства. Вообще в круг его интересов входили многие проблемы народов Востока, однако большая часть осуществлённых им исследований была связана с изучением дальневосточного буддизма. Поэтому неудивительно, что свои первые научные публикации Н. В. Абаев посвятил чань-буддизму. В 1983 г. появилась его монография «Чань-буддизм и культура психической деятельности в средневековом Китае», которая вызвала огромный интерес и к исследуемой проблеме, и в целом к культуре дзэн [1].

Обращение к идеям чань-буддизма, обнаруживаемое в работе Абаева, представляется вполне объяснимым. Во-первых, 80-е годы XX столетия в Советском Союзе были време-

нем, когда советская идеология не только занималась социальными проблемами, но и стала интересоваться человеком как субъектом исторического процесса в его особенных психологических проявлениях. Во-вторых, сферой научных интересов Н. В. Абаева со студенческих лет являлась буддология, а знание китайского, японского и английского языков давало возможность знакомства с обширной литературой по интересовавшей его проблематике. Возобновившийся в это время диалог культур вызвал общественную необходимость понимания этносоциальных, исторических и культурологических процессов. Этой общественной необходимости отвечала монография Н. В. Абаева, ставшая популярной среди образованных слоёв общества.

Н. В. Абаев концептуально объединяет идеи чань-буддизма и дзэн-буддизма. Это связано с действительной теоретической и практической близостью этих направлений, и также с тем, что основные положения психической культуры, сформулированные в чаньских текстах, мы можем исследовать благодаря Д. Т. Судзуки: «Главной заслугой Д. Т. Судзуки, который фактически открыл это самое парадоксальное явление (культуру чань-буддизма. – О. А.) не только для исследователей, но и для широкой европейской публики, является то, что он перевел сугубо эзотерические категории чань-буддизма на экзотерический язык, более или менее понятный европейскому читателю» [1, с. 21].

Н. В. Абаев исходит из того, что культура психической деятельности играет важную роль как в историческом развитии, так и в развитии отдельной личности. Её значение обусловлено тем, что она, во-первых, является составной частью метакультурной деятельности и выполняет общие для всей культуры анти-энтропийные функции; во-вторых, содействует гармоническому балансу индивидуально-психических и социально-культурных компонентов, результатом которого является наполняемость культуры творческим содержанием; в-третьих, способствует повышению устойчивости социально-культурной тради-

ции, а также, в четвертых, совершенствует программы психологической саморегуляции человека, играющие важную роль в условиях ускорения общего ритма жизни человека и стрессовых нагрузок на его психику [1, с. 7, 9, 157–159]. Культуру психической деятельности Н. В. Абаев определяет как «совокупность способов психической деятельности, зафиксированных в культуре и предписываемых ею в целях реализации культурно-одобряемого психического развития методов изменения режима функционирования психики и её перехода на качественно новый уровень, способов передачи этих методов по традиции, а также как саму психическую деятельность индивида, освоившего данную культуру, т. е. деятельность, ставшую уже (по отношению к данной культуре) культурной» [1, с. 12].

Следует отметить, что сама постановка проблемы культуры психической деятельности была новаторской. До выхода работы Н. В. Абаева о психологической культуре личности психологи говорили в контексте психологического развития человека и ребёнка [2], [3], [4], [5]. Что касается исследований, посвящённых непосредственно психологической культуре личности, то они появились гораздо позднее, в начале XXI века, и в них мы видим те же аспекты культуры психической деятельности, о которых говорил Н. В. Абаев, – теоретико-концептуальный и практический. Первый из этих аспектов связан с результатами теоретической деятельности и представляет собой отрефлексированное выражение метакультурной деятельности, а второй – с деятельностью самопознания человека [9].

Н. В. Абаев показал, что культура психической деятельности способна настолько глубоко преобразовать структуру личности и субъекта деятельности, что изменяются даже уровни подсознательного и «невыразимого». Он подчеркивал, что чаньская культура психической деятельности была продуманной и многообразной, соединяя в себе буддийские и китайские практики структурирования личности. Для достижения необходимого состояния использовались диалог-поединки

(кит. вэнь-да, яп. мондо), требующие решения неразрешимой на логическом уровне задачи (кит. гун-ань, яп. коан), виды военно-прикладного искусства (борьба, фехтование и пр.), повседневные хозяйственные работы (кит. пу-цин – «просьба всем [выйти на работу]»). В чаньских/дзэнских психопрактиках широкое применение имела шокотерапия, ставшая известной образованной публике Советского Союза после выхода книги Н. В. Абаева. Он показал, что метод шокотерапии применялся очень осторожно и избирательно в том случае, когда психика адепта была фактически подготовлена для прорыва к просветлению [1, с. 110–113]. Все эти формы психопрактики основывались на принципе у-вэй – не-деяния. Н. В. Абаев был одним из первых мыслителей советского периода, кто постарался разъяснить сущность этого важного принципа чаньской/дзэнской культуры. Принцип не-деяния заключается в том, чтобы адепт оставался совершенно беспристрастным и при этом как бы незаинтересованным в результатах деятельности. В качестве примера Н. В. Абаев приводит высказывание Линьцзи, утверждающего, что человек, соблюдающий «Не-деяние-в-деянии, может тратить в день по 10 тысяч лянов золота, не создавая при этом никакой кармы» [1, с. 129].

В последней трети XX века концепция не-деяния стала востребованной как в зарубежной, так и в отечественной мысли. Усложнение экономических, политических и культурных связей общества потребовало от государств и народов выработки новых стратегий поведения, а также – новых подходов к пониманию происходящих процессов, и принцип у-вэй предлагал новое содержание пути цивилизационного развития. И западные страны, и Советский Союз, нацеленные на техногенное преобразование мира, столкнулись с трудно разрешимыми задачами, в частности экологическими. Всё это потребовало знания тех идей и представлений, которые ещё не культивировались в западном и российском менталитете. Такие идеи, представленные и впервые проанализированные

на глубоком философском уровне в монографии Н. В. Абаева, показали ограниченность антропоцентричного подхода, который преобладал в западной философии.

Личность, «выстраиваемая» по принципам понимания мира и человека в чань/дзэн-буддизме, предполагает особую практику психологической тренировки. Одной из ведущих позиций психотренинга чань/дзэн-буддизма является медитация, представляющая собой сосредоточение сознания в одной точке «всматривания» медитирующего своим внутренним взором в «пустоту». Подробно рассматривая процесс медитации, Н. В. Абаев выделяет её необходимые этапы. На первом этапе необходимо уделить внимание нормализации физиологических процессов с применением релаксации и дыхательных упражнений, и только на втором этапе человек добивается умения свободно двигаться от одного объекта к другому, не следуя мыслям, порождаемым разумом медитирующего, что позволяет отражать объекты с максимальной адекватностью. Такое состояние, отмечает Н. В. Абаев, называется в чань-буддизме «у-во», «не-Я», «отсутствие индивидуальности». Только теперь чань-буддист перестаёт быть наблюдателем своей собственной деятельности и постигает «пустотность», «отсутствие собственной независимой сущности» всех вещей и явлений, всего феноменального – внешних объектов, так называемых живых существ (кит. чжун-шэнь) своей собственной природы, а также – «пустотность самой пустоты» [1, с. 84]. В чаньской/дзэнской медитации акцент делается на внутренней самодисциплине, которая обеспечивает единство и гармоничное взаимодействие сознательно-го и подсознательного уровня психики, что и раскрывает «истинную» природу человека. Апелляция к природному началу человека, его активизация и освобождение от социальной и рациональной обусловленности приводит к особой эмоциональности «просветления», что и является для адепта высшей точкой практики самоусовершенствования. В этом состоянии человек действует из «глубины»

своего существа и испытывает эмоции, которые выражаются в различных формах, которые не всегда одобряются культурой.

Медитация приводит адепта к просветлению, природа которого до сих пор не ясна в полной мере учёным. Существует точка зрения К.-Г. Юнга, который полагает, что сущность данного явления не может характеризоваться ни как образное, ни как понятийное представление, ни с позиций подлинности, ни с позиций ложности [6, с. 9]. Э. Фромм утверждает, что к данному феномену вообще нельзя подходить с позиций истинности [8, с. 96]. К. Уилбер полагает, что просветление представляет собой состояние космического сознания, когда расширение личности включает в себя Всё, и называет опыт обретения космического сознания мистическим [7, с. 74]. О медитации и просветлении как о работе с нейронной сетью, открывающей другие состояния и миры, говорит Т. В. Черниговская – один из ведущих нейролингвистов нашей страны [10].

В отечественной философии Н. В. Абаев был одним из первых, кто постарался выявить природу просветления как метода психической регуляции личности. Он трактовал просветление как воспроизведение особого состояния сознания, сходного с «феноменом творческого вдохновения, которое охватывает чаньского адепта как бы самопроизвольно, без видимых усилий с его стороны» [1, с. 113]. На основе глубокого изучения текстов школы чань- и дзэн-буддизма. Н. В. Абаев показывает, что при необходимой подготовке человека прорыв к просветлению происходит в любой момент и в любой ситуации: и во время психотренинга, и в обыденной жизни, когда человек занимается повседневными делами. Более того, просветление, достигаемое адептом в обычной жизни, в процессе ежесекундного взаимообмена с социальным и природным миром, трактуется как более предпочтительное, поскольку природа человека изначально чиста и истинна, и исправлять и дополнять её нет необходимости. Следовательно, просветление приходит само

и не требует «ни изнурительного аскетизма, ни специальной практики, ни длительного восхождения по многочисленным ступеням совершенства [1, с. 119]. Это не означает, что человек не должен заниматься психопрактиками; просто не следует быть преднамеренным в своем желании достичь их.

Пытаясь подойти к рассмотрению феномена просветления с философских позиций, Н. В. Абаев характеризует его как состояние единства субъекта и объекта. Соглашаясь с Д. Т. Судзуки, он утверждает, что тождественность субъекта и объекта носит условный характер, поскольку «слияние подразумевает наличие отдельных и независимых друг от друга сущностей (т. е. субъекта и объекта)». А в данном случае, скорее всего, имеется в виду восстановление изначальной целостности, которая и есть исходное состояние бытия [1, с. 135]. Медитация приводит к тому, что человек выходит за рамки своей отдельности, освобождаясь в просветлении от своего «Я». Н. В. Абаев указывает, что стремление примирить два начала – субъект и объект – в чань/дзэн, как и в целом в буддизме, происходило как на уровне отдельного человека, так и на метакультурном уровне, в котором снимались психологические преграды между человеком и природой. В состоянии просветления человек достигал единения со всеми живыми существами, во взаимодействии с которыми происходила его адаптация в мире: «Внешняя двойственность и маргинальность человека между миром живых существ и состоянием сверхличного единства бытия проявляется в том, что, с одной стороны, состояние человека есть всего лишь переходная ступень (равно как и все другие формы бытия) к состоянию буддовости, а с другой – это редчайшее состояние, единственное, дающее возможность вырваться из бесконечной “цепи смертей и рождений”, из кармически обусловленного мира мучительного воздействия за все “неблагоие”, с точки зрения буддийской этики, слова и поступки» [1, с. 137]. Поэтому идея спасения в психопрактике буддизма относилась не только к человеку, но и ко всему

явленному миру, цель которого заключалась в прекращении феноменального существования. При этом чань-буддисты старались избегать крайностей в понимании принципа «ненанесения вреда» всему живому, присущего буддизму, и включали природу как равноправного партнёра в свои отношения с миром. Это обеспечивало сохранность природных ресурсов, позволяя в то же время использовать их в практической деятельности.

Указанные моменты дали возможность школе чань и её adeptам «вписаться» в традиционную китайскую культуру, в которой трудовой деятельности придавалось огромное значение, а также способствовали разработке психопрактик, направленных на решение прикладных задач, которые стоят перед человеком в любой сфере деятельности, особенно в экстремальных условиях.

Таким образом, Н. В. Абаев по существу первым в советской исследовательской литературе описывает тип личности, который способен регулировать как деятельность по отношению к объекту, так и свою внутреннюю деятельность. Он показывает, что в школе чань субъект деятельности выступает одновременно объектом деятельности, так же как и внешние объекты. Несмотря на то, что указанное выделение объекта носит относительный характер, «так как один и тот же феномен в разных ситуациях может выступать или не выступать в качестве объекта», индивид имеет больше возможностей регулировать свое психосоматическое состояние, а следовательно, управлять им [1, с. 142]. В результате таких практик снимается противоречие между постоянно изменяющимся объектом внешнего мира, которое происходит в силу его собственного развития, и дискретным характером процесса реагирования на этот объект, когда в сознании формируется его нужный образ. Иными словами, проблема познания и понимания для приверженцев чань решается не путём отражения в сознании объекта и изменения его в практической деятельности, а путём выхода за рамки субъектно-объектных отношений. Для нагляд-

ности данного положения Н. В. Абаев цитирует Д. Т. Судзуки: «В стрельбе из лука стрелок и цель не являются больше противопоставленными объектами, становятся одной реальностью. Стрелок перестаёт осознавать себя, подобно человеку, которому нужно поразить

быка, неожиданно возникшего перед ним, прямо в глаз. Это состояние неосознанности реализуется только тогда, когда, совершенно опустошённый и избавившийся от своего «Я», он сливается воедино с процессом совершенствования своего мастерства» [1, с. 144].

Список литературы

1. Абаев Н. В. Чань-буддизм и культура психической деятельности в средневековом Китае: учебное пособие. Новосибирск: Наука, 1983. 133 с.
2. Бодалёв А. А. Личность и общение. Избранные труды: учебное пособие. Москва: Педагогика, 1983. 271 с.
3. Бодалёв А. А. Психология о личности: учебное пособие. Москва: Изд-во МГУ, 1988. 188 с.
4. Выготский Л. С. Психология развития человека: учебное пособие. Москва: Смысл; Эксмо, 2005. 1136 с.
5. Выготский Л. С. Психология развития ребенка: учебное пособие. Москва: Смысл; Эксмо, 2005. 512 с.
6. Дзэн-Буддизм. Судзуки Д. Основы Дзэн-Буддизма. Кацуки С. Практика Дзэн / пер. с англ: учебное пособие. Бишкек: МП «Одиссей», Гл. ред. КЭ, 1993. 672 с.
7. Уилбер К. Краткая история всего / пер. с англ. С. В. Зубкова: учебное пособие. Москва: АСТ: Астрель, 2006. 476 с.
8. Фромм Э. Дзэн-буддизм и психоанализ: пер. с англ.: учебное пособие. Москва: АСТ: Астрель, 2011. 100 с.
9. Коломинский Я. Л. Психологическая культура личности [Электронный ресурс]. // Психологическая культура личности. URL: <https://elib.bspu.by/bitstream/doc/46282/1/>
10. Черниговская Т. В. В поисках сознания [Электронный ресурс]. // URL: <https://newstyle-mag.com/interview-tatiana-chernigovskaya/>

*

Поступила в редакцию 13.03.2023